

Вырезка из газеты

БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ

от

12 ИЮН 43

Ваку

Лист №

Театр Аркадия Райкина

ГАСТРОЛИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА ЭСТРАДЫ И МИНИАТЮР

Аркадий Райкин почти неизвестен бакинскому зрителю. Будь на его месте другой, даже привыкший к успеху французские, он бы не удержался от искушения начать спектакль самыми удачными своими репризами и приемами. Райкин входит в зал вместе с последними зрителями, входит скромно и незаметно, чем-то напоминая в эту минуту добродушного, немного конфузливкого хозяина дома, скромно садится на барьер оркестра, смущенно улыбается и как-то неуверенно произносит первые слова конферанса. Потом он идет на авансцену, усаживается за сервированным для «Чашки чая» столом, немного лукаво предлагает зрителям разделить трапезу и, как бы подсмеиваясь над собственной затеей, начинает рассказывать одну смешную историю за другой.

Это тоже, конечно, «прием», и он быстро разгадывается зрителем. Но актерская индивидуальность Райкина так обаятельна, рассказывает и действует он с таким увлечением и простодушием, совсем не обнаруживая при этом желания заставить публику смеяться, что зритель незвольно пренебрегается доверием к конферансье и в дальнейшем уже не раздумывает, что в его искусстве «прием», а что просто смешно, остроумно и занятно.

Корректность — стиль Райкина. Он глубоко уважает зрителя и, вероятно, поэтому питает такую неприязнь ко всему навязчивому, грубому, лишенному чувства меры. Эти личные актерские черты Райкина становятся стилем руководимого им театра. Есть в репертуаре этого театра удачные и менее удачные миниатюры, но даже в самой слабой из них смешное не выглядит вульгарно, не подается «в лоб», не обгрызается с досадной мелочностью, как это часто бывает на эстраде, а скорее всего носит характер обычных реплик, обычного действия, после которых у зрителя никак не требуется смеха и аплодисментов.

Истинный талант всегда щедр, и Райкин подтверждает это своим искусством. В короткой, пятиминутной миниатюре «МХЭТ» он рисует нам то находчивого прохожего, который прикидывается слепцом, когда ему надо платить штраф за нарушение общественного движения; то безнадёжного алкоголика, которому удается выпить за счет отсутствующего приятеля; то мелкого вора, скрывающегося в шкафу на глазах у обво-

рованного им хозяина квартиры; то прогоревшего антрепренера, который вешается с таким расчетом, чтобы можно было «ле залыхаться». В пестрой, калейдоскопической смене пустяковых приключений, случайных фигур Райкин показывает свою редкую наблюдательность, неистощимое чувство юмора и подлинно театральное, почти не встречающееся на эстраде, умение перевоплощаться.

Но стихия Райкина — не одна добродушная, беззлобная шутка. Острые, умные пародии на болтливую профсоюзного деятеля, лежучего пушкиноведа, беспринципного театрального критика, самонадеянного режиссера — были едва ли не первыми работами талантливого артиста, завоевавшими ему популярность у московского и ленинградского зрителя. В фельетонах «Аист» и «Чорт», темы которых улавливаешь не сразу (прием, характерный для искусства Райкина), он выступает уже с жгучими политическими памфлетами, остро и гневно бичуя фашистских людоедов, разоряющих нашу землю. По силе карикатуры не уступает этим фельетонам миниатюра «Ать-два», отлично исполняемая артистами театра Рубинштейном, Карповским и Таганской.

В искусстве Райкина-чтеца обращает на себя внимание одна особенность. Фельетон «Чорт» не однороден по своему содержанию. Гнев и ненависть чередуются в нем с улыбой, нафос обличения — с бытовой сатирой, обращенной к нашей собственной жизни. И надо обладать талантом Райкина, его неподражаемым умением менять тональность повествования, чтобы все сравнения и параллели фельетона казались зрителю вполне оправданными и глубоко волновали.

Райкин выступает с сильными, дароватыми партнерами, среди которых особенно хочется выделить артиста Рубинштейна, в хорошей водевильной манере исполняющего роли немецкого фельдфебеля («Ать-два») и обманутого мужа («Капризный зуб»).

Спектакли Ленинградского театра эстрады и миниатюр — событие в художественной жизни Баку. Они оставляют приятное, удовлетворенное чувство, которое всегда внушает нам искусством хорошего вкуса и самобытными дарованиями.

Д. МИНКЕВИЧ.